

МИСТИКА, КОТОРАЯ ЗВУЧИТ
ПОСЛЕ ПЕРВОГО ЗВОНКА

112

СЛУЖБА СПАСЕНИЯ

ВТОРОЙ ВЫЗОВ

МАРК ВЭЙЛЕР

Марк Вэйлер
Второй вызов

«Автор»

2026

Вэйлер М.

Второй вызов / М. Вэйлер — «Автор», 2026

Антон Белов работает оператором службы 112 и привык верить только в протокол: адрес, факты, точная передача вызова. Но однажды после обычного звонка от пожилого мужчины система принимает второй вызов — с того же номера, но из той версии событий, где помощь уже опоздала. Сначала Антон решает, что это сбой. Потом такие звонки повторяются: голоса сообщают детали, которые могут спасти жизнь, но не оставляют следов в журнале. Каждый второй вызов ставит его перед выбором: закрыть карточку по инструкции или поверить невозможному и рискнуть работой, репутацией, здравым смыслом. Когда Антону звонит его собственный голос из ошибки, которую ещё можно исправить, он понимает: иногда страшнее не нарушить правила, а сделать всё правильно — и всё равно не спасти человека. «Второй вызов» — мистическая история о цене сомнения, ответственности и тех голосах, которые возвращаются, когда первое решение оказалось недостаточным.

© Вэйлер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Марк Вэйлер

Второй вызов

Глава

Антон Белов не любил, когда его называли спасателем.

— Спасатели — там, — говорил он новичкам, кивая на карту города, где красными и жёлтыми точками мигали выездные бригады. — А мы здесь. Мы не герои. Мы не угадываем. Мы принимаем вызов, уточняем, передаём, фиксируем.

Он повторял это так часто, что сам давно перестал слышать в этих словах защиту.

Антону было тридцать семь. В службе 112 он работал пятый год. До этого — семь лет на скорой, две сломанные зимы, один перевёрнутый автобус на трассе, одна девочка с синими губами, которую не успели довести. После неё он ушёл с выездов. Сказал начальству, что устал от графика. Матери сказал, что спина. Себе ничего не сказал.

Диспетчерская казалась ему честнее.

Здесь не надо было смотреть человеку в глаза, когда кислородная маска уже не помогает. Здесь всё держалось на голосе, времени, адресе, точной формулировке. Ошибка не исчезала, но становилась строчкой в карточке вызова. Антону это подходило. Строчки можно было перечитать. Людей — нет.

В ту ночь он заступил в 22:00.

Обычная ночная смена началась с того, что мужчина с улицы Песочной требовал срочно прислать полицию к соседу, потому что тот «телепортирует шум через батарею». Потом женщина из новостройки плакала: ребёнок проглотил монету. Потом водитель на кольцевой сообщил о собаке, которая бегаёт между полосами. Потом подростки позвонили и хихикали в трубку, пока Антон сухо не сказал, что номер зафиксирован.

К двум ночи таких вызовов набиралось много. Настоящих, пустых, пограничных, непонятных. Работа диспетчера и состояла в том, чтобы за человеческой паникой, злостью или глупостью вытащить факты.

Адрес.

Что случилось.

Кто рядом.

Есть ли угроза жизни.

Антон сидел у третьего пульта, пил остывший чай и слушал город. Рядом Ксения Фролова, старший диспетчер второй смены, спорила с пьяным мужчиной, который хотел вызвать пожарных, потому что ему «показалось красное в окне напротив». У окна Виктор Семёнович Роцин, начальник отдела, просматривал отчёты. Его присутствие в ночную смену всегда означало проверку.

В 02:17 поступил вызов с Садовой, двадцать семь.

— Служба спасения, слушаю.

В трубке сначала был только скрип. Потом пожилой мужской голос, хриплый и обиженный, как у человека, который уже долго терпит боль и злится на собственную беспомощность.

— Я упал... в подъезде... нога... Не могу подняться.

— Назовите имя.

— Копытин. Николай Иванович.

— Адрес Садовая, двадцать семь, верно?

— Да. Второй подъезд. Между первым и вторым этажом.

Антон быстро заполнил карточку, передал вызов скорой, отметил: «пожилой мужчина, падение, подозрение на перелом». Обычный вызов. Неприятный, но понятный.

— Дверь подъезда открыта? — спросил он.

— Не знаю... Я внутри.

— Оставайтесь на линии.

Копытин тяжело дышал. Потом связь оборвалась.

Антон отметил разрыв, связался с выездной бригадой, передал данные и уже собирался принять следующий входящий, когда номер Копытина появился снова.

На экране высветилось то же самое: Садовая, двадцать семь. Разница между звонками — шесть минут.

Антон нажал приём.

— Служба спасения, слушаю.

На этот раз Копытин говорил иначе. Не громче и не тише — старше. Так бывает, когда человек за несколько минут успевает прожить что-то, что не помещается в несколько минут.

— Код домофона три-восемь-один, — сказал он. — Передайте им код. Они будут стоять у двери и ждать дворника. Я замёрзну там.

Антон выпрямился.

— Николай Иванович, вы сейчас где?

— Там же, где и был, — сказал старик. — И не там. Не спрашивайте. Передайте код.

— Откуда вы знаете, что бригада будет ждать?

— Потому что уже ждала.

Помеха прошла по линии коротким треском.

— Вы слышите меня? — спросил Антон.

— Слышу. Только вы меня в первый раз не услышали.

Связь оборвалась.

Антон несколько секунд смотрел на экран. Потом вызвал канал связи с бригадой.

— По Садовой, двадцать семь. Код домофона три-восемь-один.

— Откуда код? — спросил фельдшер.

Антон посмотрел на Рощина у окна. Начальник не слушал его, но Антон всё равно почувствовал, как у него напряглась спина.

— Уточнение от заявителя, — сказал он.

Через двадцать семь минут пришло подтверждение: Копытин найден, в сознании, сильное переохлаждение не успело развиться, перелом бедра, госпитализация.

Антон закрыл карточку.

Потом открыл её снова.

В журнале был только один звонок.

Первый.

Тот, где Копытин сообщил адрес и падение. Второго звонка в системе не существовало. Ни входящего номера, ни записи разговора, ни длительности. Только в личном блокноте Антона, куда он машинально записывал спорные детали, стояло: «02:23. Второй вызов. Код 381».

Он не стал ничего говорить.

Не потому, что решил скрыть. Он просто не знал, какую фразу можно произнести вслух, чтобы она не звучала как начало болезни.

Утром, уже в раздевалке, он всё-таки спросил Ксению:

— У тебя когда-нибудь было, что звонок помнишь, а в журнале его нет?

Ксения застегнула куртку и посмотрела на него внимательно.

— Смотря какой звонок.

— Обычный. Повторный.

— Если сбой связи — бывает.

— А если там сказали то, чего не могли знать?

Она не улыбнулась. Это Антону не понравилось больше всего.

— Что именно сказали?

Он хотел отмахнуться, но вместо этого рассказал. Коротко: старик, код домофона, второго звонка нет.

Ксения молчала до тех пор, пока в коридоре не прошли двое пожарных.

— Ты первый, кто спрашивает вслух, — сказала она.

— То есть такое было?

— Не знаю. Были разговоры. Неофициальные. Старики любят называть это «эхом вызова». Когда карточка закрыта, а потом кто-то будто звонит из варианта, где её закрыли неправильно.

— Кто-то?

— Вот именно.

Антон хотел сказать, что это глупость. Что служба спасения не место для городских легенд. Но перед глазами стояла тёмная дверь подъезда и фельдшер, который стоял бы перед ней, не зная кода.

— Почему об этом никто не пишет?

Ксения усмехнулась без радости.

— Напиши. Посмотрим, как быстро тебя отправят к психологу.

В следующие две недели ничего необычного не происходило.

И это было хуже, чем если бы происходило.

Антон принимал вызовы: астма, ножевое в коммуналке, паническая атака в торговом центре, запах газа, которого не оказалось, insult, который женщина сначала называла «муж странно шутит». Он работал точно, спокойно, даже слишком внимательно. Несколько раз ловил себя на том, что ждёт повторного звонка после каждой серьёзной карточки.

Повтора не было.

Он начал думать, что сам всё придумал. Может, Копытин назвал код в первом разговоре, а он забыл. Может, второй звонок был с другого номера, а мозг после ночи склеил события. Может, Ксения просто не хотела спорить с уставшим коллегой.

Потом поступил вызов с Речной.

Звонила девочка. Лет восемь или девять.

— Тётя Надя упала. Она лежит и говорит, что живот болит.

Антон сразу насторожился. Дети часто называют главное случайно.

— Как тебя зовут?

— Маша.

— Маша, слушай меня внимательно. Адрес?

Она назвала.

— Тётя дышит?

— Да. Только белая.

Антон передал вызов, уточнил боль в животе, попросил девочку открыть дверь и не давать тётке вставать. Всё было сделано правильно. Даже лучше, чем формально требовалось.

Через девять минут номер Маши появился снова.

Антон почувствовал, как в ладонях выступил пот.

— Служба спасения, слушаю.

Там говорила не Маша.

Женский голос, взрослый, с той же лёгкой шепелявостью на «с», но низкий, сорванный.

— Вы спросили про живот, — сказала женщина. — Спасибо. Но этого мало. Скажите приёмному: давление падает. Скрытое кровотечение. Не ждать рентген. Сразу хирург.

— Кто говорит?

— Маша.

Антон сжал гарнитуру.

— Девочка Маша?

— Я — та Маша, которая утром будет сидеть у двери операционной и думать, почему взрослые так долго решали, серьёзно это или нет. Передайте им.

— Это невозможно.

— Невозможно — это когда тебе девять, а тебе говорят: «Мы сделали всё, что могли».

Антон закрыл глаза на секунду. Потом открыл.

— Маша, слушайте. Я передам. Но мне нужно понять: откуда вы звоните?

— Из ошибки, — сказала она. — Вы же уже слышали такое.

И линия умерла.

На этот раз Антон не стал один принимать решение. Он поднялся и подошёл к Ксении.

— Пойдём, — сказал он. — Сейчас.

Она увидела его лицо и не задала вопроса.

В маленькой комнате отдыха за автоматом с водой он пересказал разговор. Ксения слушала, не перебивая, только один раз спросила время второго звонка.

— В журнале его нет? — сказала она.

— Сейчас проверим.

Его не было.

Ксения выругалась очень тихо.

— Если мы позвоним в приёмный покой с этим, нас спросят основание.

— Основание есть в первом вызове. Боль в животе.

— Слабое.

— Но есть.

Она смотрела на него несколько секунд.

— Звони.

Антон позвонил. Представился, назвал номер карточки, адрес, возраст пациентки, повторил: жалоба на боль в животе до падения, бледность, возможная внутренняя травма, просьба не терять время на поверхностную оценку.

Врач на другом конце раздражённо спросил:

— Вы теперь будете учить нас диагностике?

— Нет, — сказал Антон. — Я фиксирую уточнение по вызову.

Ксения стояла рядом. Когда он положил трубку, сказала:

— Вот так это и начинается.

— Что?

— Ты учишься говорить правду так, чтобы она выглядела как протокол.

Утром тётя Нади выжила.

Антон узнал это не из системы. Ксения позвонила знакомой в приёмное отделение и потом просто кивнула ему через весь зал.

Он должен был почувствовать облегчение.

Почувствовал страх.

Потому что теперь это было не один раз.

В конце смены Антон и Ксения остались после работы. Не из романтики и не из дружбы. Просто оба понимали: если сейчас разойтись по домам, завтра каждый убедит себя, что другой преувеличил.

Ксения открыла архив.

— Смотри, — сказала она.

Она не искала «звонки из будущего». Такого поля в системе не было. Она искала странные совпадения: повторный входящий с того же номера, который оператор помечал как сбой; карточки, где в комментариях появлялись детали без ясного источника; вызовы, после которых диспетчер запрашивал нестандартное уточнение.

За полгода нашлось одиннадцать случаев.

Не много. На фоне тысяч звонков — почти ничего.

Но в каждом была одна и та же форма.

Сначала обычный вызов. Потом — исчезнувший повтор. Потом деталь, которая могла изменить исход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.